

*Р. Р. Эльсабрути**

Православие и Ислам в современной египетской прозе

Баха Тахир по праву считается одним из египетских писателей, известных не только у себя на родине, но и за её пределами. Его роман «Тетка моя Сафия и монастырь», изданный в 1991 году, заинтересовал многих литературоведов [1]. Это роман о детстве рассказчика в структуре художественного времени.

Роман повествует о несбывшейся любви красивой девушки Сафии, которая полюбила родственника семьи Харби. Однако герой приводит к ней в качестве жениха своего богатого шестидесятилетнего дядю, которого величают в округе Консулом. Девушка соглашается на брак, и любовь её переходит к мужу. Однако эта любовь не была искренней; затаив глубокую обиду на Харби, Сафия стремится уничтожить его. Распространились слухи, что Харби планирует из-за наследства убить её сына. Это вызывает гнев её мужа, и он едет с охраной наказать Харби. Оскорбленный герой в порыве гнева убивает своего дядю и попадает в тюрьму.

После смерти Консула героиня будто перевоплощается в своего мужа, жаждущего мести за свою смерть: «Итак, Красавица Сафия, о которой мечтали мужчины округа, перевоплотилась в тетку Сафию, которую стали бояться в округе все» [1; 81]. Отец рассказчика, работавший в то время имамом мечети, укрывает вышедшего на свободу героя романа от мести Сафии в христианском монастыре. В округе данный поступок вызвал возмущение мусульман, и в одной из пятничных молитв его

* *Рашида Рахимовна Эльсабрути* – PhD, доцент кафедры арабского языка Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского Приволжского Федерального Университета (г. Казань).

спросили: «Как можно мусульманину скрываться в монастыре?» Пытаясь защитить достоинство Харби, имам мечети задаст им очередной вопрос: «А разве любимый нами пророк не посылал своих первых мусульман к абиссинскому христианскому монарху, с целью сохранить им жизнь?» (С. 99) Святость монастыря препятствует Сафие осуществить месть. Она в гневе порывает родственные связи с приютившей её в детстве семьей.

Последняя глава романа «Крах», отображает трагедию египетского народа во время оккупации египетских земель в 1967 году. Однако война не становится композиционным центром, а присутствует в повествовании лишь в той мере, в какой оказался задействованным в ней рассказчик. Напряженный сюжет романа переплетается с историей эпохи. В последней главе романа «Крах» депрессия героев переходят в социальную депрессию, охватившую страну вслед за поражением в войне с Израилем. Здесь чувствуется элемент искусственно заданной реальности. Думается, что автор, желая придать своему роману народно-патриотический оттенок, не хотел ограничиваться простым описанием любви. Расширяя границы описываемого села, автор стремился сотворить из него не только символ своей страны, но и всех арабских стран в борьбе против их общего врага.

Картина прошлого преломляется через сознание юного рассказчика, который не претендует на исчерпывающее постижение истины. Уже из самого названия «Тетка моя Сафия и монастырь» читатель осознает родственную связь рассказчика с героиней романа. Арабское слово «Сафия» означает чистоту, целомудрие и непорочность. Исходя из семантики слова, предполагается, что между героиней и окружающим её людьми сложатся добрые отношения. Но противоречие между природными качествами девушки и реальным миром развивается в романе весьма трагично. Святость монастыря становится укрытием для того, кого она хочет убить. Природные качества героини явно противоположны той социальной роли, которую навязало ей общество.

Роман, как зеркало, отразил общественную ситуацию в Египте во второй половине XX века. Он был издан в начале

90-х годов прошлого столетия, когда страна была поглощена в религиозных распрях, явно проявивших себя в южных регионах страны. Художественное слово писателя было направлено против внутренней войны, которая наносила ущерб имиджу страны и её экономике. Она противоречила этическим принципам и традициям христиан и мусульман, живших в мире и согласии на протяжении многих веков.

История присутствует в качестве предмета художественного исследования. Она присутствует не как совокупность значимых для страны событий, а лишь в той мере, в которой она определяет образ мыслей и поведение героев.

В первой части романа повествуется о прочной дружбе христианского и мусульманского населения страны. Обитатели монастыря дарили семье молодого рассказчика сладкие финики. А в мусульманские праздники мать рассказчика отсылала обитателям монастыря коробку свежее испеченных пряников. Визиты юного мусульманина в монастырь олицетворяют добрые отношения мусульман и христиан. Это вводная часть фабулы, где на чистой и светлой её арене произойдут события, переполненные трагизмом. В конце романа автор задается вопросом: «остался ли там мальчик, несущий в монастырь свежее испеченные пряники в коробке из белого картона?» [1; 142].

От похожей на легенду истории юного повествователя автор выходит к социально-нравственной проблематике. Роман заканчивается вопросами, на которые читатели должны сами найти себе ответ. Есть основание говорить, что вопросы автора таят в себе упрек сложившейся ситуации в стране, где усиливались религиозные распри, а террористы, прикрываясь религией, убивали мирных, ни в чем не повинных граждан. Махмуд Амин считает риторические вопросы, поставленные в конце романа, олицетворением авторской мечты вернуть идеалы прошлого страны [2; 118].

Автор романа вырабатывает свой взгляд на свойственную египетской деревне проблематику, немало вносит в принцип раскрытия психологии персонажей [3; 114]. Он оригинально объединил конкретно-историческую и лирическо-романтическую струю в полемическом повествовании романа. Первая часть романа описывает монастырь, как прочное здание. Но

прочность его не в самом сооружении, а в этических нормах и религиозных ценностях населения страны. Монастырь в романе символизирует установившиеся веками духовные ценности. Именно этой идее автор посвящает заглавие первой главы. Трагически развивающиеся события второй главы угрожают этим ценностям. Ход событий второй главы противоположен событиям первой, отношения между людьми предельно напряжены. Однако монастырь на протяжении всего романа проповедует миролюбие. Святость храма сохраняется, когда охранники отказываются убить в нем героя романа Харби. Местные уголовники, пришедшие навестить героя, страшатся своим визитом оксквернить храм монастыря и предпочитают сидеть у его ворот.

Добрососедские отношения между жителями села проявляются, когда наставник монастыря просит имама мечети – отца рассказчика – отвезти священника в больницу. Образ отца рассказчика представляет авторскую позицию гуманизма. Образ священника монастыря является олицетворением земной доброты. Это проявляется, когда он балует осла или, плача, перевязывает раненую ногу кролика. Он не проводит все свое время в молитвах, а много работает, обучает местных жителей искусству земледелия.

Литературовед Аль-Бахрауи считает роман политическим, а героев его – легендарными [4; 100]. Ясновидение героини придает произведению фольклорно-мифологические элементы. Её стремление отомстить за поруганную любовь, поставленную в ядро повествования, отражает обеспокоенность положения в современном Египте. В романе предстает живой образ сельского коллектива. В нем создан народный эпос, дана широкая панорама народной жизни. Важной вехой художественной реальности романа является перерастание населения страны в сознательного творца своей судьбы: «Нас учили, чтобы отечество наше было первою нашей любовью, невзирая на то, принадлежали ли мы к какой-либо партии или нет» [1; 13]. Желание уголовников участвовать в войне – это свидетельство коллективного разума, далекого от религиозного фанатизма. Думается, что идейный замысел романа – это описание кризиса просветительской оптимистической идеологии, идеи целесообразного мира, который базируется на разуме и морали,

на основополагающих христианских и мусульманских истинах. Писатель в своем произведении развивает найденные им приемы, ищет и новые способы выражения своих идей, оставаясь при этом человеком, ориентированным на гуманистические ценности.

Интерес автора к будням египтян важен не сам по себе, а как средство для более ясного выражения тех сфер социальной жизни, которые до сих пор оставались в тени. По технике подачи материала в романе обнаруживается аналогия с натуралистическим типом изображения, кредо которого – показать жизнь, не делая выводов. Но автор стимулирует ответную чуткость читателя, настраивая его на высокую нравственную волну. И натуралистическое повествование разворачивается перед нами своими новыми качествами, неожиданно раскрывая нам свою новую философскую сущность.

Автор склонен к гротеску в выборе семантики имен своих героев, которые неожиданно выводят из одного только что постигнутого читателем плана в другой. Сафия в арабском языке означает чистоту и непорочность, однако героиня олицетворяет в романе воинственность и агрессию. Харби, имя которого означает воинственность и агрессию, становится воплощением чистоты. С помощью контрастного философско-эстетического абстрагирования имен, выступающих антитезой войны и мира, автор добивается в романе необходимого ему эмоционального эффекта. Через трансформацию непорочности в чудовищную агрессию и воинственность автор стремится открыть правду о человеке всех времен. Роман, как указывает сам автор, – это абстракция, игра воображения, хотя произведение его пересекается с реальными событиями эпохи, которые призваны убедить читателя в реальности их повествования.

Используя технику повествования «текст в тексте», автор мастерски передает динамику мыслей своих героев, отражает нюансы их психики. Мифическая ориентация романа выражена в легендарных качествах его героев. Писатель близок к фольклорной стилизации произведения, где идет поиск черт подлинно народной культуры в непосредственно реальной действительности и характере взаимоотношения людей.

В главе «Крах» расширяются границы символической семантики. Несмотря на реалистическую направленность творче-

ства автора, в романе необходимо отметить стилистические приемы постмодернизма: многоуровневая организация текста, шифрование смысловых его пластов, высокая степень психологической детализации главных героев. В романе дозированная метафоричность и динамичный стиль. Лексика романа способствует передаче колорита и ритма эпохи.

Аккумулируя достижения мировой прозы, египетский роман расширил свои границы за счет его лирической насыщенности. Миф мальчика в произведении – это предыстория его будущего. Вопрос, неоднократно повторяемый в заключении романа, передает растерянность автора перед сложившейся ситуацией в стране. По стилю задаваемых вопросов чувствуется проявление нежных чувств автора к своему светлому прошлому, когда все жители села жили в мире и гармонии. Автор романа призывает мусульман и христиан страны к согласию, так как война разрушает все и губит всех. Несмотря на трагические события романа, гуманизм определяет общую тональность произведения. Помещая события в пространство египетского села, автор выводит их далеко за пределы своей страны, обращает на них мировое внимание.

Литература

1. بهاء طاهر: خالتي صفية والدير، دار الهلال القاهرة 1996 (170ص).
2. محمود أميز: العالم: ولا يزال السؤال قائما. في كتاب عالم بهاء طاهر، دار مجدلاوي ط1 عمان 2005.
3. مصطفى عبد الغني: الاتجاه الإنساني في الرواية العربية، ط1، كتاب الرياض 2006 (ص273).
4. يسد البحراوي: الأنواع النثرية في الأدب العربي المعاصر مكتبة الأنجلو المصرية 2003 (ص251).
2. Митико Икута. Образ Японии в России в период Эдо (XVII–XIX век) // Известия Восточного института ДГУ. – 2005. – № 9. – С. 107–127.
3. Михайлова Ю. Д. Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке // Япония. – 2007. – № 36. – С. 171–187.